

все это — за тенденцію національной педагогичи, потому что литературныя достоинства книги были весьма сомнительны.

Тотъ же самый фактъ успѣха наблюдается и по отношенію къ драматическимъ произведеніямъ съ реформаторской тенденціей. До тѣхъ поръ, пока пьесы стараются выяснитъ публикѣ положительныя и отрицательныя національныя качества, онѣ имѣютъ колоссальный успѣхъ. Примѣръ — „Честь“ Зудермана. Но, какъ всегда, и тутъ вступается полицейская власть, которая не приминула воспретить во многихъ городахъ постановку другихъ лучшихъ пьесъ этого же автора, какъ, на примѣръ, „Конецъ Содома“ и „Домашній очагъ“.

„Протестующіе реалисты“ въ драматической литературѣ — Арно Гольцъ, Шлафъ и Герхартъ Гауптманъ возбудили всеобщій интересъ своими пьесами, поставленными на „Freie Bühne“ въ Берлинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ породили множество скандаловъ. Пьесы Герхарта Гауптмана отличаются искусной фактурой, но горькія натуралистическія истины, высказываемыя въ нихъ, не даютъ этимъ пьесамъ ходу. Изъ всѣхъ молодыхъ драматурговъ Гауптману предстоитъ наиболѣе блестящая будущность.

Литературное движеніе въ Швеціи.

Въ данный моментъ въ Швеціи нѣтъ никакого литературнаго движенія. Оно было и прошло. Началось оно съ 1879 г., со времени напечатанія сатирическаго нравоописательнаго романа Августа Стриндберга „Красная комната“. Книга эта имѣла большой успѣхъ, который является даже не вполне понятнымъ, если не имѣть представленія о культурѣ и характерѣ предшествовавшаго ему времени.

Двадцать лѣтъ назадъ на долю литературныхъ и критическихъ интересовъ въ Швеціи отводилось мало мѣста: всѣ исключительно были заняты политикой и народнымъ образованіемъ. На первомъ планѣ были двѣ идеи: съ одной стороны, такъ называемый, панскандинавизмъ, идея политическаго единства скандинавскихъ государствъ; съ другой — такъ называемое нео-сѣверное возрожденіе, т. е. идея новой культуры, основанная на скандинавской оригинальности и старинномъ положеніи свободнаго крестьянина. Обѣ идеи, весьма тѣсно связанныя одна съ другой, въ сущности, составляли всего одну: политическое и умственное единство и независимость сѣвера. Очагами этого движенія были университеты. Гг. студенты играли въ немъ первую роль. Ака-

демическая молодежь въ теченіе многихъ лѣтъ устраивала праздники братства и обмѣнивалась взаимными любезностями. Идеальный союзъ сѣвера подвергся испытанію датско-германской войной 1864 г. и не выдержалъ этого испытанія.

Шведы и норвежцы преспокойно сидѣли себѣ дома около своихъ очаговъ, между тѣмъ какъ братья ихъ, датчане, сражались и гибли. Тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ ухватилось подроставшее поколѣніе, народившееся около 1850 года, за вторую идею: національное и умственное развитіе сѣвера. Послѣ парламентской реформы, состоявшейся въ Швеціи въ 1865 году и преобразовавшей прежнее представительство по сословіямъ въ конституціонное правительство съ двумя палатами, — реформы, въ силу которой крестьяне становились хозяевами общественной жизни страны, всѣ необходимыя условія для осуществленія новаго умственнаго идеала повидимому были достигнуты. Академическая молодежь продолжала строить политическія реформы на этой прочной основѣ. Было возстановлено изученіе древне-скандинавскаго языка, среди студентовъ образовались ассоціаціи, имѣвшія задачей ограждать отъ забвенія все то, что сохранилось еще изъ старинныхъ правъ и первоначальнаго языка. Кромѣ того, по всей странѣ учреждались второстепенныя школы, съ цѣлью подготовленія крестьянскихъ сыновей и дочерей, т. е. потомства, къ грандіозной ихъ миссіи.

Тѣмъ временемъ поэзія и изящныя искусства пребывали подъ спудомъ. Совсѣмъ некогда было ими заниматься. Наибольше просвѣщенная молодежь отдавалась иной задачѣ. Кумиръ этой молодежи, поэтъ и ученый Викторъ Ридбергъ, пользовался такимъ поклоненіемъ главнымъ образомъ за то, что былъ вождемъ борьбы за свободу.

Чтобы въ нѣсколькихъ словахъ объяснить, въ чемъ заключается существенная разница между направленіемъ, возникшимъ и утвердившимся тогда въ литературѣ, и направленіемъ, царившимъ въ ней дотолѣ, ее можно сравнить съ разницей между эмпирическимъ умомъ и спекулятивнымъ, хорошо подготовленнымъ и методическимъ умомъ. На Швецію триумфальнымъ маршемъ хлынули естественныя науки въ качествѣ судей и регуляторовъ на всѣхъ почвахъ и для всѣхъ условій цивилизаціи и жизни. Когда явились Дарвинъ и Тэнъ, въ Швеціи изучался національный философъ Бострёмъ, другъ короля Бернадотта и Священнаго союза, философъ, который отстаивалъ новѣйшую платоническую идеологию, оправдывающую существованіе абсо-

лютнаго правительства, существующій общественный строй и представительство четырехъ сословій.

Новое литературное движеніе длилось съ 1880 г. по 1890 г. Въ результатѣ его оказалось: нѣсколько новѣйшихъ проблемъ, присущихъ данному времени, и нѣсколько индивидуальностей, глубоко шведскихъ.

Сюжеты, трактуемые въ юной шведской литературѣ, отнюдь не новы. Это — отношенія между богачемъ и бѣднякомъ, мужчиной и женщиной, любовью и религіозной вѣрой, словомъ, отношенія индивидуума къ обществу, т. е. государству, религіи, нравственности и т. д. Въ скандинавскомъ движеніи, начиная съ самого раздувателя его, Георга Брандеса, наблюдается полное отсутствіе какой бы ни было оригинальной идеи. Основные сюжеты, всѣ безъ исключенія, были вывезены изъ-за границы. Свообразіе существуетъ исключительно въ приемахъ работы, въ субъективномъ отпечаткѣ.

Укажемъ прежде всего нѣсколько характерныхъ чертъ Швеціи и шведовъ, страны и ея обитателей. Страна обширная, и потому представляющая много разнообразія, какъ по части пейзажа, такъ и въ смыслѣ климатическихъ и геологическихъ условій, начиная отъ плодородной Скани и вплоть до пустынь Лапландіи. Города тамъ рѣдки и крайне малы, зерно населенія составляютъ свободные крестьяне. Страна состоитъ изъ большихъ пустынь и маленькихъ норъ - городовъ. Столица Стокгольмъ не можетъ признаваться центромъ, — этому препятствуетъ какъ географическое ея положеніе, такъ и характеръ ея жителей. Она слишкомъ придвинута къ сѣверо-востоку, слишкомъ близка къ климатическому и интеллектуальному варварству, и южные шведы черезчуръ сознаютъ близость свою къ Европѣ, чтобы не пренебречь до извѣстной степени своей столицей. Сверхъ того, стокгольмцы слишкомъ застыли въ своемъ образѣ жизни и образѣ мыслей, чтобы понять южныхъ шведовъ, болѣе утонченныхъ и развитыхъ. Центръ страны не на мѣстѣ, и интеллектуальная жизнь необходимо страдаетъ отъ того.

Касательно геологическихъ условій знаменателенъ фактъ, что первичная формація, основной гранитъ повсюду почти является здѣсь обнаженнымъ, свободнымъ отъ позднѣйшихъ наслоеній. Почти то же самое наблюдается относительно національнаго характера: первобытный звѣрь проявляется во всей своей грубости, и болѣе тонкія дифференцированія обнаруживаются только спорадически и мѣстами.

Умственное развитіе шведовъ стоитъ на весьма низкой степени. Это—люди спиннаго хребта. Болѣе высокія сферы интеллекта функционируютъ у нихъ лишь неравномѣрными толчками, скачками, безсвязно. Этому много содѣйствуютъ положеніе страны и суровость климата, остальное сдѣлала національная исторія. Шведы были самымъ воинственнымъ народомъ въ мірѣ; шведки остались амазонками по преимуществу. Современные намъ шведы являются истинными сынами своихъ отцовъ, которые, родившись солдатами, въ теченіе многихъ поколѣній воевали со всей Европой. Подобно своимъ отцамъ, они остались отважными, но въ умственномъ отношеніи слишкомъ наивными. Подобно имъ, они любятъ пить, ѣсть и пѣть; они остались гордыми авантюристами, съ слабыми мозгами.

Они смотрятъ на любовь и любятъ такъ, какъ, поневолѣ, смотрѣли на это чувство и любили ихъ отцы, проводившіе жизнь на полѣ брани и спавшіе, не снимая доспѣховъ. Характерно, что въ шведской литературѣ положительно отсутствуетъ любовная, интимная и утонченная поэзія, свойственная датчанамъ, финнамъ и германцамъ. Шведы любятъ считать себя на высотѣ европейцевъ, но ихъ образованіе настолько же поверхностно, какъ въ тѣ времена, когда предки ихъ возвращались къ себѣ послѣ долгихъ странствованій. Если снять доску, то обнаружится гиперборейскій варваръ. Подобно своимъ отцамъ и дикарямъ, они любятъ кричащія и пестрые цвѣты, рѣзкіе звуки, хотя поддаются также и обаятельности, присущей граціи и всему изящному.

Наиболѣе крупнымъ изъ современныхъ писателей Швеціи считается Августъ Стриндбергъ. Впрочемъ, у него европейская репутація, тогда какъ имена его собратій положительно неизвѣстны за узкими предѣлами ихъ родины, и это не безъ основанія. Онъ единственный въ своемъ родѣ. Между нимъ и остальными неизмѣримая бездна. Но и самъ онъ извѣстенъ недостаточно, слишкомъ односторонне.

Стриндбергъ имѣетъ за собой весьма пеструю производительность. Чего только онъ не писалъ? Историческія драмы, драматизированныя фантастическія легенды, психологическія драмы, историческія, соціальныя новеллы, полемическія статьи, подробную автобіографію, исторію умственнаго развитія Швеціи, сцены изъ народной жизни, книгу о французскомъ крестьянинѣ, сочиненіе о политическихъ отношеніяхъ между Франціей и Швеціей, поэмы, сатиры, очерки и т. д.

Прежде чѣмъ отдаться литературѣ, онъ былъ, поочередно,

школьнымъ учителемъ и актеромъ, телеграфнымъ чиновникомъ и журналистомъ, врачомъ и живописцемъ, проповѣдникомъ и наставникомъ, богемой и королевскимъ библіотекаремъ. Онъ невообразимо много учился и знакомъ съ спеціальностями по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, начиная съ балтійскаго рыбобоводства и шведской флоры и кончая китайскимъ языкомъ. Со времени же своего писательства онъ прошелъ черезъ всѣ фазисы, — фанатически проповѣдывалъ различныя философіи, съ такимъ же фанатизмомъ опровергая ихъ впоследствии, и постепенно перебивалъ пѣтистомъ, революціонеромъ, скептикомъ, социальнымъ утопистомъ и кончилъ необузданнымъ интеллектуальнымъ аристократизмомъ.

Въ настоящее время онъ проповѣдуетъ евангеліе о превосходствѣ Нитшевскаго „Übermensch“ противъ массъ *), аристократіи нервовъ и мозга противъ пролетарія и женщины, противъ черни и Евы.

Несмотря на эрудицію Стриндберга, ему недостаетъ прочной основы, дающей субъекту древней и непрерывной цивилизаціей. На него все дѣйствуетъ поочередно, все для него равно ново и захватываетъ его съ одинаковой силой. Ничто не связывается съ чѣмъ нибудь уже извѣстнымъ, и онъ переходитъ отъ одной идеи къ другой безъ постепенности, бросаясь изъ одной крайности въ другую. Какая нибудь новая мысль или новое наблюденіе, заимствованное изъ книги или же прямо изъ жизни, обращается у него немедленно въ новую истину, абсолютную истину, единственную истину, неотступную идею. Стриндбергъ вѣчно былъ одержимъ какой нибудь мономаніей, и, быть можетъ, этимъ-то и объясняется главнымъ образомъ обаятельное впечатлѣніе, какое онъ производитъ. Ибо онъ самъ очарованъ, самъ ничего не видитъ, помимо этой блестящей точки. Ему всегда хотѣлось быть ученымъ, мыслителемъ, натуралистомъ, но онъ не можетъ обнять и совладать сразу болѣе чѣмъ съ одной ассоціаціей идей, болѣе чѣмъ съ одной группой фактовъ. Съ умомъ Стриндберга та же исторія, что и съ его родиной: у обоихъ слишкомъ рѣдкіе, слишкомъ узкіе, слишкомъ изолированные центры цивилизаціи и слишкомъ обширныя пустыни залежей, окутанныхъ мракомъ и не пересѣченныхъ телеграфными проволоками. Первобытный звѣрь, варваръ сохранилъ всю свою оригинальную силу, тогда какъ залежи цивилизаціи отсутствуютъ: вся серія наслоеній, дифференцированій,

*) Объ этомъ ученіи см. „Вѣстникъ Ин. Лит.“ 1893 г., № 5, стр. 206 и слѣд.
Книга XII. 1893 г.

телеграфныя проволоки—переходная связь. Свѣжесть впечатлѣнія неподобна, но въ мозгу царить страшный хаосъ, ничего, кромѣ суетолоки, все тамъ сдавливается, толкается, подталкивается, летитъ кубаремъ, словно въ какой-нибудь оргіи или сумятицѣ битвы. Быть можетъ, у Стриндберга имѣется для того еще одинъ болѣе глубокой поводъ, кромѣ фізіологически-національнаго характера расы. Не только умъ его представляетъ скопленіе противорѣчій, но во всемъ существѣ его, повидимому, существуетъ двойственность. Это въ своемъ родѣ раздвоеніе личности и не потому только, что онъ находится на рубежѣ двухъ эпохъ: „Какъ переходный продуктъ, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи, — подъ личиной натуралиста онъ сохранилъ родовой характеръ романтика, на подобіе того, какъ подъ змѣиной чешуей сидятъ въ зародышѣ конечности ящерицы“. Какъ бы тамъ ни было, темпераментъ и сочиненія Стриндберга представляютъ постоянную борьбу на жизнь и смерть между враждебными элементами, непрерывнымъ поднятіемъ и опусканіемъ вѣсовыхъ чашекъ. Стрѣлка вѣсовъ въ постоянномъ колебаніи, и эта физическая борьба никогда не разрѣшается въ гармонію, въ полный аккордъ. Неспособная создать философію, которая не обрушилась бы сама на себя, борьба эта представляетъ безконечный рядъ актовъ нейтрализаціи между противоположными электрическими теченіями.

Настоящее произведеніе его юношескаго періода—драма „Учитель Олофъ“. Написанная въ 1870 г., она была напечатана только 10 лѣтъ спустя. Это—описаніе эпохи лютеранской реформаціи въ Швеціи, въ которомъ онъ не столько подчеркиваетъ столкновеніе между новой и старой религіей, сколько внутренній контрастъ у новыхъ людей: учителя Олофа, этого шведскаго Лютера, и типографщика Гердта, анабаптиста, характеризующаго собственнй свой интеллектъ съ настоящимъ Стриндбергскимъ размахомъ: „Я зовусь падшимъ ангеломъ, который возвратится десять тысячъ разъ; я зовусь освободителемъ, который явился слишкомъ рано; я зовусь Сатаной, потому что люблю васъ больше своей жизни; я назвался Лютеромъ, я назвался Гуссомъ, теперь я называюсь Анабаптистомъ“.

Когда онъ писалъ „Красную комнату“, за Стриндбергомъ была довольно незамѣтно прошедшая молодость, и въ 30 лѣтъ его угнетало горькое сознаніе, что онъ ничего не создалъ оригинальнаго и не имѣлъ успѣха. Онъ избралъ себѣ девизомъ слѣдующее изреченіе Вольтера: „Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ быть повѣшеннымъ невѣдомымъ“.

Послѣдующая фаза ознаменовалась книгой, озаглавленной: „Новая Имперія, сатирическіе этюды вѣка покушеній и юбилеевъ“, въ которой съ жестокимъ и въ то же время забавнымъ юморомъ, занимающимъ средину между Тэккереемъ и Маркомъ Твэномъ, пригвоздилъ онъ къ позорному столбу устои общественной лжи. Это была книга, исключительно посвященная бичеванію показнаго шутовства и паяцничества, но притомъ грозные удары и отравленные стрѣлы настигали по временамъ прямо тѣхъ, которыхъ авторъ считалъ главными виновниками существованія этого положенія вещей. Это переполнило чашу маленькаго стокгольмскаго общества, гдѣ всѣ знали другъ друга лично, и автору пришлось отрясти прахъ возмущенной своей родины отъ своихъ ногъ и удалиться.

Тѣмъ не менѣе въ 1884 г. онъ снова призванъ былъ въ нее, чтобы явиться на судъ. Заграницей онъ написалъ рядъ новеллъ: „Браки“ — двѣнадцать исторій о семейной жизни. Въ этой книгѣ 300 страницъ богохульственной морали и нѣсколько нечестивыхъ строкъ. Сюда же применилъ цѣлый отдѣлъ интимной исторіи скандинавской цивилизаціи.

„Подчиненность женщины“ Стюарта Милля была переведена. Въ „Норѣ“ Ибсена порабощенная женщина возмутилась. Скандинавія кишѣла такими Норами, явилась особенная дотолѣ невиданная Ева. У ней были мужскія манеры и короткіе волосы. Она пожимала руки, какъ любой парень, и глядѣла мужчинѣ, — конечно, мужчинѣ съ нечистой совѣстью, — прямо въ смущенныя его очи. Онѣ произносили рѣчи, заводили газеты. Воздухъ потрясался криками о низости мужчинъ и порабощенности женщины, о безнравственности нѣкоторыхъ браковъ и исключительномъ правѣ жены. Въ особенности въ Швеціи цѣлая толпа женщинъ бумагомарательницъ заняла мѣсто въ литературѣ съ боевымъ кличемъ: за порабощенную женщину! Тогда-то Стриндбергъ и написалъ свои „Браки“. По его мнѣнію, модное эмансипированное движеніе стремилось не только къ освобожденію женщины отъ господства надъ ней мужчины, но также и къ освобожденію отъ власти природы, и идеаломъ современной женщины оказался какой-то ублюдокъ.

По новому паролю, женщина прежде всего должна быть „человѣческимъ существомъ“, а онъ заявилъ, что она прежде всего должна оставаться женщиной. И на громадномъ холстѣ онъ изобразилъ природу въ грандіозныхъ чертахъ, кишашую оплодотворяющимися растеніями и плодящимися животными, помѣстивъ тамъ Адама и Еву на первомъ планѣ.

Стриндбергъ обратился въ утилитариста и социалиста-разрушителя въ своихъ „Грезахъ сомнамбулы среди бѣла дня“, поэмѣ, написанной бѣлыми стихами, — и въ создателя въ томъ же повелль: „Утопіи въ дѣйствительности“. Все современное общество представлялось ему искусственно заброшеннымъ садомъ, вся современная цивилизація — болѣзненнымъ наростомъ, изуродованной, поврежденной природой.

Стриндбергъ пережилъ черные годы. Въ сопровожденіи своего семейства странствовалъ онъ за границей, во Франціи, Германіи, Швейцаріи и Даніи. Утративъ престижъ на своей родинѣ, онъ вынужденъ былъ самъ издать свои драмы „Отецъ“ и „Товарищи“, напечатавъ ихъ у одного провинціального типографщика въ Стокгольмѣ, такъ какъ всѣ издатели были противъ него. Третью же драму „Кредиторы“, доставившую ему громаднѣйшій успѣхъ въ Берлинѣ, пришлось выпустить сперва на датскомъ языкѣ. Послѣ семилѣтняго отсутствія, въ 1889 г., онъ вернулся въ Швецію, гдѣ и написалъ свой романъ „На берегу моря“, рисующій ожесточенную борьбу нѣкоего аристократа разума противъ черни и женщины.

Въ теченіе всего этого послѣдняго періода его производительности у него преобладаютъ двѣ черты. Прежде всего авторъ весь проникается какой-нибудь единственной идеей, гипнотизирующей его до такой степени, что остального міра для него не существуетъ. Впрочемъ, міръ, въ которомъ онъ жилъ и который описывалъ, всегда и во всѣ фазы его жизни представлялся міромъ крайне субъективно-ограниченнымъ.

Въ настоящее время онъ изолировался исключительно въ сферу чувствъ, причемъ вдохновляетъ его исключительно чувство антипатіи: отвращеніе. Послѣдняя его *idée fixe* блистаетъ не подобно звѣздамъ или солнцу, а подобно пламени ненавистнической злобы. Одна только антипатія вызываетъ его къ дѣятельности, подобно тому, какъ другіе поэты творятъ, подвліяніемъ ощущенія счастья—глава интересная въ психологіи художественной производительности.

Не только женщины его все Медузы и Мегеры. Если его женщины развратны, то мужчины скоты, въ родѣ презрѣннаго честолюбца въ „Юліи“ и перваго мужа въ „Кредиторахъ“, этого высокоумнаго интеллектуальнаго палача.

Самое обширное мѣсто въ литературномъ движеніи въ Швеціи принадлежитъ женщинамъ.

Выше было указано происхожденіе и характеръ этого эмансипированнаго движенія. Что оно проникло въ литературу, это

объясняется скорѣе вѣяніемъ времени, нежели талантомъ этихъ дамъ. Но шведы, не довольствуясь своимъ положеніемъ наименѣе литературнаго народа въ мірѣ, кичатся еще тѣмъ, что обладаютъ рыцарствомъ въ сильнѣйшей степени, и потому преклонились передъ женщиной и признали ея превосходство и, изъ чистой вѣжливости, послѣдовали за ней въ самыя глубокія дебри этой реакціи.

Первою и наиболѣе талантливою изъ этой группы была Анна-Шарлота Эдгрень-Лефлеръ, герцогиня ди-Кайанелло. Въ 1880 г. напечатала она три тома новелль „О жизни“, представляющихъ изящное описаніе High-life'a въ Стокгольмѣ. Затѣмъ, увлеченная эмансипированнымъ движеніемъ, она стала писать тенденціозныя драмы на тему о правахъ женщины и бѣдняка. Какъ по своему происхожденію, такъ и по замужеству, она принадлежала къ высшему классу общества. Несмотря на то, она поставила свою жизнь и дѣятельность внѣ всякой условности, не соблюдая притомъ никакихъ галантерейностей, а дѣйствуя откровенно и нѣсколько грубо, очень безсвязно и до извѣстной степени жестко, прямо идя къ цѣли въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, относясь сатирически, но всегда соблюдая притомъ тактъ свѣтской женщины, съ честнымъ, открытымъ, прямолинейнымъ темпераментомъ; вдохновеніе ея всегда имѣло источникомъ умственное негодованіе. Ни въ своихъ произведеніяхъ, ни въ жизни никогда не останавливалась она передъ осуществленіемъ того, что подсказывали ей умъ ея и чувство справедливости. Послѣ двадцатилѣтняго бездѣтнаго супружества съ однимъ сановникомъ, причемъ въ послѣднія 10 лѣтъ этого супружества она была окружена поклоненіемъ, какъ царица амазонокъ,—вдругъ все ей опротивѣло. Сорока лѣтъ она развелась съ мужемъ, уѣхала за границу, вышла замужъ за итальянскаго герцога, сдѣлалась матерью и, къ смущенію своихъ соотечественниковъ, принялась писать сладострастно-эротическіе романы. Казалось, для нея распускалось лѣто, жаркое и цвѣтущее, какъ вдругъ прошлой осенью она скончалась, написавъ своеобразную біографію пріятельницы своей, Софьи Ковалевской.

Вторымъ наиболѣе замѣчательнымъ послѣ нея женскимъ шведскимъ авторомъ считается Викторія Бенедиктсонъ (Ernst Ahlgren). До тридцати двухъ лѣтъ жила она въ маленькой деревушкѣ, занимая одно изъ самыхъ скромныхъ положеній, замужемъ за почтмейстеромъ, который былъ гораздо старше нея. Не покидая своей комнаты, какъ больная, борясь съ жестокими физическими страданіями, она вдругъ прославилась нѣсколькими по-

веллами изъ крестьянской жизни и романомъ, озаглавленнымъ „Деньги“, гдѣ описывались бракъ и разводъ одной молодой дѣвушки съ интеллектуальными стремленіями и пожилого землевладѣльца, лишеннаго всякихъ интеллектуальныхъ порывовъ. Она покинула ненавистную ей деревню и пустилась по бѣлу свѣту, съ жаждой жизненныхъ наслажденій, но сдѣлала это немного поздно. Талантъ ея оказался недостаточнымъ; время шло, она сознавала себя остановившейся на одномъ мѣстѣ, тогда какъ другіе непрестанно шли впередъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, подъ вліяніемъ особенно сложившихся обстоятельствъ, она перерѣзала себѣ горло тупой бритвой.

Литературное движеніе въ Швеціи, дѣйствительно, умерло. Давно не выходило уже тамъ никакого сочиненія, которое имѣло бы реальное значеніе. Причины этого различны. Быть можетъ, большинство талантовъ, сами по себѣ, были недостаточно сильны, а, быть можетъ, главное зло кроется во внѣшнихъ условіяхъ. Піетизмъ, идущій отъ приближенныхъ королевы, тяготѣетъ подобно кошмару на странѣ женской эмансипаціи. Тамъ не существуетъ проницательной и независимой критики, имѣется всего три или четыре большихъ газеты и единственный крупный издатель, и кому не удастся поладить съ ними, — приходится закрывать свою лавочку. Государство ассигнуетъ 6.000 кронъ на покровительство поэзіи, и эта сумма дѣлится академіей между старыми поэтами и молодыми профессорами. Всякая умственная жизнь коснѣетъ, и всякій, кто пытается ее встряхнуть, обязательно ставится внѣ закона.

Литературное движеніе въ Норвегіи.

Начало литературнаго движенія въ Норвегіи можно отнести къ 1870 г. За послѣднее двадцатилѣтіе стало замѣтно нѣкоторое стремленіе къ новизнѣ; появилось нѣсколько молодыхъ лирическихъ поэтовъ, нѣсколько авторовъ новеллъ въ новомъ родѣ, но этотъ порывъ былъ очень слабъ, очень юнъ. И по сіе время литературныя теоріи 1870 г. господствуютъ въ Норвегіи. Это направленіе 1870 г. краткости ради можно назвать золаизмомъ, хотя въ сущности въ Норвегіи оно народилось раньше Зола и Флобера.

Какъ же реализмъ проникъ въ Норвегію? Какъ обосновался въ ней?

Норвегія, — небольшая гористая, совершенно изолированная отъ остальнаго міра, страна съ исключительно крестьянскимъ